

Трудная совместность

Человек открывает себя через неизбежность бытия Другого. Он рождается в мире, обжитом и «опечатанном», *готовом* к существованию, и эта готовность обеспечивается в свою очередь *предсуществованием* Другого, его опережением, его *пред-стоянием* перед лицом нового существа. Мир, в котором оказывается младенец, отмечен чужим присутствием: эти метки конституируют мир именно как присвоенное пространство, которое присваивает и осваивает всё то, что оно о-хватывает и за-хватывает. Помеченность есть символ власти, указывающий на место приложения как на владение некоего «Хозяина», и Другой выступает своеобразным на-местником, за-местителем или выразителем его воли*, представленной этими метками. Ещё раньше, чем ребёнок только начинает осваивать мир другого, он уже присвоен миром и подчинён ему; раньше, чем он смог узнать себя в зеркале именно как *себя*, самодостаточного и цельного, тем самым установив собственное существование, он вынужден был признать существование Другого как *собственно* существование. Другой есть тот, в ком человеку, присутствующему в мире, сомневаться не приходится, который постоянно напоминает о себе и всё время его опережает. Это *предел*, предстоящий человеку, и *удел*, на который он обречён.

Первичное складывание человека можно определить как освоение чужого – научение осязать собственные границы в соприкосновении с иным; в то же время иное осязается как часть своего мира, выступая гарантом самоидентификации и условием признания. Границы мира, с которыми впервые сталкивается ребёнок, как раз и открывают для него Мир и его место в нём, а в конечном счёте и его самого Для-себя. Граница есть то, что разделяет и взаимоотношает «своё» и «чужое». В дальнейшем существование человека представляет собой диалектику приобретения и утраты, экономику при-бывания и у-бывания, непрерывный процесс *освоения чужого* и *отчуждения своего* через переступание утверждённых границ, трансгрессирование, заступление в новое пространство и утверждение себя *иного* в новых границах.

Можно считать в какой-то мере обоснованным то, в чём упрекает Хайдеггера Деррида, а именно: в *метафизичности* оппозиции «несобственного» и «собственного», учитывая исходность первого и производность второго. Да, лишь «упав в мир», возможно подняться в нём, но получается, что *несобственность* оказывается вместе с тем *собственной* возможностью присутствия по овладению «падающей обыденностью» и первейшим условием обретения себя подлинного. При том своё и должно оставаться своим, а чужое – чужим, и лишь возможность открывает перспективу утраты и приобретения, отчуждения своего и освоения чужого. Хайдеггеровский *das Man*, выходит, одновременно меня и осваивает, и отчуждает от самого же себя; и собирает мир вокруг меня в качестве цельного «своего», и раскалывает его на множество бессвязных территорий, в которых я бессмысленно блуждаю, не ведая ни своего, ни чужого.

Наверное, несобственность следует понимать двояко: как *собственную несобственность* и как *несобственную собственность*. Первая есть собственно моя *возможность* в понимании её как *моей* (не-)осуществимости в границах *своего*, соседствующего с *чужим*. Вторая модификация представляет как раз неподлинное существование через присутствие в чужом, как своём собственном, через игнорирование границ себя и мира, в попытке простереть себя во всей беспредельности мира, не сознавая ни ограниченность мира, который упирается в предел другого мира, ни собственную конечность, задаваемую Моей Смертью. Благодаря Хайдеггеру мысль Достоевского радикально преобразуется: если нет границы, разделяющей своё и чужое, отделяющей меня от Другого, если нет предела моему миру и нет укоренённости собственного бытия в

* Неспроста в «Бытии и Ничто» Сартр определяет Бога как «квинтэссенцию другого» [Сартр Ж.-П. Бытие и ничто. М., 2002. С. 256]; Бог есть Другой в высшем смысле этого слова.

собственной смерти, то «всё позволено». Вот откуда у немецкого мыслителя идея почвенности как важнейшего онтологического основания. Почва как раз свидетельствует о признании границ, конституирующих *своё*, отграниченное от *чужого*. Беспочвенность снимает все границы и низвергает *свойскость*, уничтожая *чуждость*.

Однако проблема совместного бытия здесь не только не решается, но ещё более осложняется и усугубляется. Коммуникацию невозможно строго задать и предопределить именно в силу несводимости чужого к своему. Другой – всегда загадка для меня: я могу лишь как-то *планировать* собственные действия в отношении его, но не могу знать точно, чем он мне ответит, и ответит ли, а потому и мои *действительные акты* непредсказуемы. И представляются наивными взгляды ряда мыслителей второй половины XX века, видевших в свободной коммуникации спасение едва ли не от всех человеческих бед, как будто бы если снять внешние ограничители, то именно тогда люди и смогут в непринуждённых отношениях решать все проблемы, возникающие между ними, и предотвращать все существенные конфликты. «Бить морду» другому – это тоже способ коммуникации. Вместе с тем даже если допустить существование этих ограничителей, вопрос не теряет актуальности.

Признание существования Другого и как следствие границы, разделяющей нас, не даёт точного ответа о том, как должны строиться отношения между нами. Своё и чужое в рамках совместного пространства пребывают в постоянном дрейфе, а в подвижности границы заложен конфликт, который может развиваться самым непредсказуемым образом. Хочу я того или нет, но мне приходится посягать на чужое с целью его присвоения – такова форма моего существования в качестве движущегося, ищущего и развивающегося. «Жизненный мир» не может быть бесконечным: обратной стороной совместности всегда оказывается определённая теснота, недостаточность собственного места среди других, и потому моя активность, которая непременно означает заступление за отведённые мне границы, так или иначе направлена против Другого и вызывает соответствующее противодействие.

Недальновидность знаменитой либеральной формулировки (в которой, как многим кажется, ставятся все точки над *i* в понимании свободы) «моя свобода ограничена свободой другого» в том, что исходным пунктом здесь является монадическое представление о человеке, самодостаточно существующем в своём ограниченном мирке, граница которого и есть граница его свободы. В этом выражается непонимание того, что человек существует в Мире, и того, что мир не есть молекула, состоящая из независимых, лишь сопричастующих, атомов, равно как и космос, объединяющий суверенные планеты, подобно миру Маленького Принца. Наивно полагать конфликт между людьми как столкновение орбит (ограничивающих свободу) независимых планет. Слепота данной позиции заключается в предположении возможности бесконфликтного существования. «Уткнуться в свой угол» - значит обречь себя на закрытое несвободное прозябание, топтание на месте, без единого шанса обрести себя *своего*.

Быть в мире значит не просто быть *рядом* с Другим, но быть в нём, через него, при нём, в какой-то мере за счёт него, и в то же время не быть им. Нет собственного без чужого, однако граница между ними размыта, и её нельзя строго определить как раз потому, что мы со-в-местны, мы живём в *нашем* мире, а своё, как было косвенно отмечено выше, не есть «владение», закреплённое за человеком с момента рождения, с чёткими границами, но форма осуществления и характер утверждения себя в мире, что всегда под вопросом в силу непрерывности процесса самоидентификации человека самим фактом своего бытия.

Итак, за своё приходится биться, и Другой, трагическим образом, в любой момент может стать либо препятствием на пути реализации мной своих возможностей, которое я должен одолеть, либо интервентом, посягающим на моё, как подтверждающий свою самотождественность в активном претворении собственных сил. И здесь мы оказываемся на пороге неразрешимого парадокса: с одной стороны, признание границ *чужого* есть единственное условие признания *своего* (а значит, и себя); с другой – в ситуации со-в-местного бытия для меня существовать, отстаивая *своё*, означает вторгаться и в жизненное

пространство Другого, то есть невольно посягать на *чужое*. Действительно, я не могу всюду уступать и потакать Другому: я рискую утратить *свойскость*: ведь быть собой – это всегда отстаивать и утверждать себя *в-Мире* (а мой мир – это и мир Другого) и тем самым задевать кого-то другого; стало быть, если я молчу и бездействую, пытаюсь избежать конфликта, то рискую «заговорить чужим голосом» и утратить *своё* в заботе сохранить *чужое*. Таким образом, возможный раздор коренится во всяком утверждении инаковой *свойскости*. Быть другим – значит находиться в состоянии перманентного конфликта с непрогнозируемым исходом. Коммуникация между мной и Другим ***сущностно конфликтна***, даже если Другой – это друг. И дело не в том, что мы – враги; дело именно в том, что мы – Другие.